

УДК 81'38:34

ББК 81

DOI: 10.18500/2311-0740-2018-2-18-127-135

О. Ю. Авдевина
Саратов, Россия

Olga Yu. Avdevnina
Saratov, Russia

ДЕЛО (ЖАНР, КОНЦЕПТ, СЛОВО) В АНТРОПОЛОГИИ ПРАВОВОЙ СФЕРЫ

CASE (GENRE, CONCEPT, WORD) IN LEGAL SPHERE'S ANTHROPOLOGY

Статья посвящена когнитивному осмыслению дискурсивной отнесенности и жанровой природы двух феноменов юридического и делового дискурсов: документа с названием Дело и самой номинации – слова и понятия дело. Автор показывает, что концептуальной основой этих феноменов являются две смысловые категории, которые оказываются смежными в концептуализации социального бытия – это деятельностная, событийная основа общественных отношений (дело, деяния) и социальная концепция человека (лицо, личность). Жанровая специфика Дел юридической сферы обнаруживается в процессах вторичной концептуализации представлений об этих документах в культуре и художественной рефлексии.

Ключевые слова: личное дело, уголовное дело, вторичная концептуализация, фабула дела, виртуальный жанр, антропоцентрическая концепция, личность.

The article is dedicated to cognitive representation of discourse and genre interrelation of two phenomenon of legal and business discourses: the document with the title “Case” and the very nomination – the word and the concept “business”. The author shows that conceptual foundation of these phenomena is two mental categories which are closely-related in conceptualization of social existence: these are actional nature of social relations (business, affairs) and social conception of an individual (person, personality). The genre specifics of Cases belonging to legal sphere can be seen in the process of secondary conceptualization of these documents' representation in cultural and artistic reflection.

Key words: personal record, criminal case, secondary conceptualization, the case's plot, virtual genre, anthropological conception, personality.

Сведения об авторе: Авдевина Ольга Юрьевна, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и культуры речи.

Место работы: Саратовская государственная юридическая академия.

E-mail: olga.rosauz@gmail.com

ORCID 0000-0002-2239-3285

About the author: Avdevnina Olga Yur'evna, Doctor of Philology, Professor of the Department of Russian Language and Culture of Speech Department.

Place of employment: Saratov State Law Academy.

E-mail: olga.rosauz@gmail.com

ORCID 0000-0002-2239-3285

Дискурсивный статус Дела: дефиниции, когнитивная структура, функции

Предложенные в данной статье размышления о дискурсивной, жанровой и когнитивной природе такого неоднозначного феномена деловой и юридической сферы¹, как дело, являются продолжением анализа интердискурсивности лексемы дело, формируемой в результате вторичной концептуализации, прежде всего, документа, который оно обозначает, вследствие чего и это слово не просто усложняет свою семантику, но и приобретает признаки концепта. Наблюдения над этими

процессами и были изложены в нашей статье [1].

Лексема дело была рассмотрена в рамках ее семантической трансформации как номинативного средства, являющейся результатом интеграции этого слова из сферы обозначения юридических событий в область художественной или риторической их интерпретации. В частности, отмечалось, что именно эта миграция слова из одного дискурсивного пространства в другое, обуславливающая его интердискурсивность, позволяет вести речь о значимости и слова, и феномена, который этим словом обозначается, в дискурсе-доноре:

¹Считаем возможным в рамках данного исследования принципиально не разводить понятия деловой и юридической (правовой) сфер, понимаемых как те области социальной жизни, общественной коммуникации, социокультурных условий реализации языка, которые организуются деловым общением. Во-первых, эти сферы близки по коммуникативной и стилистической природе: так, деловое общение можно определить как коммуникативную реализацию управленческих, профессиональных, производственно-экономических, в том числе и правовых общественных отношений, юридическая сфера отношений, таким образом, пересекается с деловой. Во-вторых, такая разновидность документа, как Дело, отличает специфику документооборота в равной мере и в делопроизводстве, и в юридической деятельности.

деловой и юридической сфере, в той разновидности документации, которая и называется *Дело*.

Уже само слово маркирует специфику юридического дискурса в основных его аспектах: *коммуникативном* (ситуации, цели, характер общения), *когнитивном* (стиль мышления, принципы подачи и интерпретации информации, взаимодействие с другими средствами когниции: наименованием лиц, обозначением событий, антропологическими и нарративными понятиями) и *историко-культурном* (обозначение исторических событий, формирование художественных концептов) [1: 143]. Некоторыми исследователями предпринимаются даже попытки представить реализацию лексемы *дело* в юридической сфере как систему пóлевой модели – концептосферу, организованную постоянно меняющимся взаимодействием лингвистических и экстралингвистических факторов [2].

Понятно, что ни изучение трансформации юридических концептов, ни реконструкция юридического дискурса в целом, например, его жанровой организации, герменевтической и императивной модальности юридических письменных текстов как одной из примет правового мышления, не возможны без анализа дискурсивно-жанровой, когнитивной и лингвокультурологической специфики такого своеобразного феномена деловой жизни, как сам документ *Дело*. Именно *Дело* в основных разновидностях этого документа (*Личное дело, персональное дело, Уголовное дело, гражданское дело, административное дело*²) является основной формой фиксации важнейшей для деловой и юридической сферы информации, интерпретации юридически значимых событий.

Документ, названный *Делом*, как и большинство официальных документов, отличается институциональностью и регламентированностью создания и функционирования, проявляющихся, прежде всего, в официальной закреплённости дефиниции понятия и стандартизации оформления документа. Так, документоведческое определение *Дела* содержится в «Государственном стандарте РФ...» (в разделе «Организация работы с документами»): *делом* называется «совокупность документов или документ, относящихся к одному вопросу или участку деятельности, помещённых в отдельную обложку» [3]. В этом значении номинация *дело* используется в качестве родового обозначения разных видов докумен-

тов и их совокупностей, дифференцированных в системах номенклатуры, архивирования, фондирования и т. д. [3].

При этом надо иметь в виду, что в «Государственном стандарте РФ...» регламентируются не композиционные и даже не содержательные требования к формированию *Дела*, а его место в делопроизводстве и действия, операции по его использованию в документообороте. Кроме вывода о безусловной терминованности понятия и институциональности документа, эта информация мало что даёт для понимания дискурсивной его природы.

То же можно сказать и о его разновидности, использующейся в учете кадров – так называемом *Личном деле* работника. Порядок его составления и некоторые требования к информации (например, к истребованию и хранению *персональных данных* человека) тоже регламентируются нормативными документами, например, Федеральными законами: «О государственной гражданской службе Российской Федерации» (ст. 42 «Персональные данные гражданского служащего и ведение *личного дела* гражданского служащего») [4], «О муниципальной службе в Российской Федерации» (ст. 30 «Порядок ведения *личного дела* муниципального служащего») [5] и «О прокуратуре Российской Федерации» (ст. 41.2 «*Личное дело* прокурорского работника») [6]. Но и эти материалы не дают ни определения понятия, ни квалификации функций документа, ни каких-либо предписаний, позволяющих однозначно истолковать его дискурсивную и жанровую природу.

Однако само упоминание документа в правилах, законах, инструкциях и т. д., а также активное использование его обозначения (*Дело, Личное дело*) в делопроизводстве и документообороте – важнейшей сфере делового общения – свидетельствует не только о высокой степени дискурсивно-терминологической обусловленности понятия, но и о том, что этот документ в значительной мере определяет системность и функциональную специфику делового дискурса в части текстовой фиксации деловой информации.

Материалы ГОСТов, законов и других источников регламентации *Дела* дают некоторые наблюдения о когнитивной составляющей как документа, так и его номинации. Во-первых, обнаруживается, что характерный для большинства документов императивно-функциональный параметр (императивная модальность и функции предписания, распоряжения,

²Выбор прописной или строчной букв в обозначении этих понятий связан с традицией использования словосочетания в качестве названия документа. Так, *Дело №, Личное дело №, Уголовное дело №*, хотя и не являются собственными названиями, используются в их функции (обозначаются на картонной папке с материалами дела), в отличие от других названных номинаций: *административное дело, гражданское, персональное*.

рекомендации, просьбы и т. п.) оказывается в *Деле* значительно ослабленным, имплицитным, потенциальным. *Дело* составляется с перспективой его использования в качестве источника информации, но не средства предписания. В этом функциональное его своеобразие – и не только в делопроизводстве, но и в культуре. Событийный каркас *Дела*, который тематически и композиционно упорядочивает совокупность собранных в нем текстов, почти не имеет аналогов в системе документных текстов (разве что протоколов) и сближает его с иными формами повествования о людях и событиях – художественными и публицистическими (рассказ, повесть, очерк, хроника, мемуары и т. п.). Вероятно, именно поэтому и становится возможной вторичная, например художественная, концептуализация представлений о документе и интерпретация его содержания (см. ниже).

Во-вторых, в документной концепции *Дела* своеобразно реализуются представления о социальной структурированности личности и ее параметрах как единицы социума (см. инструкцию по фиксации персональных данных), представления об общественной ценности человека. Так, эти представления оказываются неотъемлемо связаны с идеей социальной природы *действий, деятельности* (по глаголу *делать*, от которого и образуется девербатив *дело*) – и не только индивидуума, но и группы лиц, организации, учреждения и т. п. (лиц юридических). Любая форма социального существования в деловой сфере предстает как сознательный динамический процесс – деятельность³ и может быть подведена под презентацию в документе, называемом *Делом*.

Понятие документации (как совокупности разнородных документов), обозначенной номинацией *Дело*, занимает центральное место и в юридической сфере, в которой *Дело* – это совокупность материалов, связанных с фиксацией юридически значимых событий. Юридические *Дела* классифицируются по отраслям права: *уголовное дело, гражданское дело и административное дело* (и те же разновидности в судах апелляционных инстанций) [9]. Действия по их ведению (заведению, формированию, прекращению, закрытию), хранению, некоторым требованиям к содержанию, реквизиционному оформлению, ответственности и т. п. тоже, как и в случае с *Делами* в делопроизводстве, регламентируются нормативными документами, в данном случае – процессуальными кодексами, соответствующими отраслям права (уголовной, гражданской, административной).

³См. значение слова *деятельность*: 'работа, занятие в какой-либо области' (МАС) [7]. О социальной основе концепта *деятельность*, проявляющейся в некоторых словоупотреблениях, см. работу [8].

Активно оперируя этими понятиями, и эти документы тоже не дают даже определения понятия *дела* – родового по отношению к названиям этих видов процессуальных документов, не формулируют содержательных, композиционных и иных текстовых параметров этого документа, которые помогли бы реконструировать его жанровую специфику в юридической сфере. Можно предположить, что юридическое толкование *Дела* опирается на дефиницию ГОСТа (см. выше) предельно обобщенного характера.

Юридические терминологические словари толкуют понятия *уголовное дело, гражданское дело* в аспекте не документооборота, а судопроизводства: как процессы, а не как документы. В случае с толкованием, например, термина *уголовное дело* на эту «процессную» основу понятия указывает юридическая метафора *возбудить уголовное дело*: уголовное дело – «дело, *возбужденное* (здесь и далее курсив мой. – О. А.) в установленном законом порядке в каждом случае *обнаружения* признаков преступления. Рассматривается и разрешается судом по материалам *дознания* и предварительного *следствия* или протокольной формы *досудебной подготовки* материалов уголовного дела» [10].

Аналогично и определение гражданского дела: это «любое дело, рассматриваемое в суде в порядке, предусмотренном гражданско-процессуальным законодательством. К гражданским делам относятся дела: по *спору* о гражданском праве, по *жалобе на действия* органов управления или должностных лиц, совершенные с *нарушением* полномочий, ущемляющие права граждан; об *установлении фактов*, имеющих юридическое значение, и другие дела особого производства» [Там же].

В обоих определениях лексика процессной семантики (эти слова в определениях выделены курсивом) является центром толкования понятия, поэтому и сами эти понятия базируются на несколько иных когнитивных основаниях, нежели *Дело* в сфере бюрократической деятельности (см. выше): не столько на антропоцентрических, сколько на процессных представлениях о праве.

Правовая сфера в этих понятиях концептуализируется как корреляция двух видов правовых процессов: с одной стороны – *деяний, действий*, подлежащих правовой оценке – юридического события, и с другой – процессов их расследования и рассмотрения в суде – судопроизводства. Эта когнитивная основа юридического *Дела* тоже небезразлична к выражению антропоцентрических представ-

лений, но они имплицитны в большей степени, чем, например, в *Личном деле*, и проявляются только во вторичной концептуализации документа и его номинации (подробнее об этом см. [1]).

Значение же 'документ', 'совокупность документов', 'письменная фиксация результатов сбора материалов, расследования, судопроизводства' хотя и имплицитно содержится в содержании понятий, но не исчезает совсем, обнаруживаясь в таких употреблениях, как *завести уголовное дело* (в значении 'начать сбор документов'), *многотомное уголовное дело, сдать дело в архив, вложить в дело, хранить дело* и т. п.

Предварительными итогами определения дискурсивного статуса *дела* могут служить следующие наблюдения:

1) *дело* как документ и понятие является центром организации информационного и процессного аспектов делового и юридического дискурса⁴;

2) и документ, и его обозначение реализуют, прежде всего, институциональную природу названного дискурса: в большей степени регламентируется, конечно, оформление и функционирование документа, в меньшей – использование понятия и номинация документа;

3) когнитивную структуру документа и понятия составляют две основные разновидности представлений: о социальных параметрах человека (антропоцентрические представления) и о событийной, процессной сущности правовых отношений (представления о *деле-деятельности* человека и общества, *деяниях* – действиях и событиях, оцениваемых в аспекте соблюдения законности, и процессах, связанных с судопроизводством);

4) попытки специального терминологического толкования *дела* через понятия *документации, совокупности документов*, объединенных в одно целое, свидетельствуют о том, что в *деле* реализуется сложный многоаспектный и многоаспектный характер деловой и юридической дискурсивной практики, в которой любое социально значимое действие получает свою письменную фиксацию, действие срастается с письменной формой речи. *Дело* же как документ (в любой его разновидности) может рассматриваться как форма документной фрагментации человеческой деятельности, общественной жизни в деловой и правовой сфере: оно представляет социальное бытие как расчлененное на ряд событийных формаций, интерпретирует его сообразно

информационно-смысловой организации дискурса, давая материал для интерпретаций другого рода, благодаря чему и возможна вторичная концептуализация и понятия, и самого документа.

Жанровая характеристика *дела*: постановка вопроса

Он вернулся домой, купив по дороге твердую желтую папку с ботиночными тесемками.

– Ну? – спросили в один голос истомленные желанием Балаганов и Паниковский.

Остап молча подошел к бамбуковому столику, положил перед собой папку и крупными буквами вывел надпись:

«Дело Александра Ивановича Корейко. Начато 25 июня 1930 года. Окончено го дня 193. . г.»

Из-за плеча Бендера на папку молча смотрели молчаливые братья.

– Что там внутри? – спросил любопытный Паниковский.

– О! – сказал Остап. – Там внутри есть все: пальмы, девушки, голубые экспрессы, синее море, белый пароход, мало поношенный смокинг, лакей-японец, собственный бильярд, платиновые зубы, целые носки, обеды на чистом животном масле и, главное, мои маленькие друзья, слава и власть, которую дают деньги.

И он раскрыл перед изумленными антилоповцами пустую папку.

И. Ильф, Е. Петров «Золотой теленок»⁵

Дело, без сомнения, выполняет не только функцию регламентации юридической информации – выполнения обязательного для этой сферы требования документирования и систематизации любой информации, имеющей юридическую силу, но и функцию организации деловой коммуникации. Так, оно составляет определенную цель, и эта цель (в случае с юридическим делом) – не просто архивирование информации, а такая ее полнота, последовательность и системность, которая позволит использовать этот документ в суде и подчинить ему судебное производство. Предсудебное расследование гражданских конфликтов или преступлений и их судебное рассмотрение является центром юридической деятельности, а информация об этой деятельности документируется в *Деле*. Поэтому, изучая юридический дискурс, его текстовую специфику, невозможно обойти без дискурсивно-жанровой квалификации этого феномена.

При этом к нашему стремлению интерпретировать *Дело* в аспекте жанровой формации следует относиться, прежде всего, как к попытке определить место этого документа в системности делового/юридического дискурса

⁴ Стоит обратить внимание на то, что слово *дело* является внутренней формой самих обозначений этой разновидности дискурса: *деловая сфера, делопроизводство* и т. д.

⁵ Ильф И., Петров Е. Двенадцать стульев. Золотой теленок. М.: Правда, 1987. С. 474.

са, реконструкции в нем жанрообразующих признаков, пока еще не предполагающей однозначной квалификации его жанрового статуса.

Не являясь целостным текстом, а лишь множеством собранных в одну папку⁶ документов, совокупностью разнородных текстов, даже не всегда деловых или юридических: заявлений, протоколов, возражений, ходатайств, справок, официальных запросов/ответов, иногда – материалов СМИ, личных писем, рекламных текстов, товарных знаков, чеков и т. п. – *Дело* характеризуется целостностью, связностью и внутренней организацией элементов, частей, регулярностью воспроизведения подобных совокупностей, собранных под единым названием *Дело* – и целым рядом других признаков, которые обнаруживают в нем природу некоего единства, претендующего на квалификацию его в качестве жанра деловой речи. Но является ли оно при этом жанром? Если да, то жанром каким: речевым, жанром коммуникации, жанром документа?

Являются ли жанром другие совокупности документов: наборы документов для поступления в вуз, на получение водительских прав или даже *Личное дело* сотрудника учреждения? Равноценны ли в структурном, коммуникативном, дискурсивном, культурологическом плане все эти совокупности документов и юридическое *Дело*?

В случае с любой разновидностью *Дела* (кадрово-учетной документации, материалов уголовного следствия, гражданского судопроизводства и т. п.) их изучение осложняется недоступностью этих материалов. Ознакомление с юридическими *Делами* ограничено служебными инструкциями, например распоряжениями Судебного департамента РФ [9]. Согласно правилам, доступ к тому или иному *Делу* имеют уполномоченные служебные лица или стороны судебного разбирательства и их представители при определенных условиях. Проще познакомиться с *Личным делом*, да и то мы имеем возможность видеть чаще всего только свои документы и только по особым запросам в особых ситуациях.

Дело любой разновидности, тем более юридическое, это документация служебного пользования. Однако практика лингвистической экспертизы дает возможность и филологу иногда заглядывать в эту святая святых труда профессиональных юристов. Правила проведения экспертного анализа иногда предусматривают ознакомление не только с текстом, предназначенным для экспертизы, но и со всем

Делом. В экспертной практике автора этой статьи были материалы об оскорблении чести и достоинства личности, клевете, недобросовестной скрытой рекламе, двусмысленности публично высказанных заявлений и наличии призывов к экстремизму и национальной розни. Объектами экспертизы служили в основном газетные публикации, далеко не всегда являющиеся центром судебного разбирательства. В целостной формации *Дела* эти тексты были звеном в цепочке предстоящих на его страницах событий и человеческих отношений, и именно в этом контексте формировался идеологический, политический, психологический подтекст, который во многом влиял на трактовку анализируемых текстов. В этой целостности, событийной связи всех разнородных материалов *Дела* каждый его элемент напитывался особым смыслом, которого вне *Дела* не имел.

Налицо один из важнейших признаков жанра, который А. Н. Баранов определял как упорядочение дискурсивной практики: речевой жанр с точки зрения дискурса – это «сценарий (алгоритм) использования дискурсивных практик при выражении соответствующего содержания, т. е. в жанре дискурсивные практики предстают не как неструктурированное множество, а как структура, фиксированная последовательность, и связываются с конкретным коммуникативным намерением» [11: 147].

Главным фактором связности материалов юридического *Дела* выступает нарративно-событийный фактор, что вообще характерно для юридического дискурса. Нарративная основа *Дела* двойственна: она включает внутреннюю фабулу (последовательность расследуемых деяний или отношений – так называемую «фабулу дела») и внешнюю (последовательность досудебного расследования и судебного рассмотрения – «сюжет» дела, определяющий его композицию).

Оба этих нарративных направления получают вторичное осмысление в различных повествовательных жанрах, призванных рассказать о событиях *Дела* ярко и художественно, но с достоверностью документа, на контрасте живости человеческих переживаний, драмы, даже трагедии и сухости фактов, фиксированных в документе. Именно так строятся популярные сегодня жанры документальных сериалов с сюжетной основой реальных событий. Это документальные детективы: «Легенды советского сыска», «Незримый бой», «Следствие вели с Леонидом Каневским», «Вне закона: ре-

⁶Папка – обязательный материальный атрибут внешнего оформления *Дела* (словарное значение слова *папка* по МАС – «обложка из картона для хранения бумаг» [7]), в том числе документов *Дела* тоже нередко подвергается художественной концептуализации в процессе символизации социальных феноменов, в данном случае атрибутов делопроизводства – см., например, «папка с ботиночными тесемками» в эпиграфе к данной части статьи.

альные расследования», «Советские мафии», «Раскрыть и доказать». В номинации фильма часто используется конструкция «Дело о ...», которая нередко замещается художественным заголовком: «Мясная мафия», «Смертный грех», «Чужая кровь», «Железные человечки», «Пуля для маэстро», «Черная кошка с берегов Невы», «Дуэль», «Всех убью, один останусь!», «Бомба в трамвае» и т. п., актуализируя двойственность (отчасти даже гротескную или парадоксальную) повествования о событиях.

В содержание этих произведений обязательно включается и характеристика исторической эпохи, времени события. Так, приметой жанра документального детектива является обязательность акцента на какой-то бытовой детали: джинсы 70-х годов, пирожное «картошка» домашнего приготовления, сумки-авоськи, бирки советской прачечной и т. п., которая в контексте расследования сыграла ту или иную роль.

Еще один прием художественной интерпретации излагаемого в фильме реального уголовного расследования – установление параллели (схожести деталей преступлений, психологических портретов действующих лиц и т. п.) между ним и элементами сюжета художественного фильма, «знакового» для отечественной культуры, с детективной основой или ярким эпохальным (советским) колоритом: «Место встречи изменить нельзя», «Брильянтовая рука», «Любовь и голуби» и т. д. В обозначении вторичных киносюжетов нередко обыгрываются названия известных художественных сюжетов и другие прецедентные феномены культуры: «Двое в лодке, не считая убийцы», «Джентльмены неудачи», «Тюрьма для золушки», «Красавицы и чудовище», «Нехорошая квартира», «Осенний марафон», «Влюблен и очень опасен» и т. п.

Нередко в фабулу деяния вплетается повествование о ходе расследования, сборе улик и доказательствах, материализующихся в тех справках, результатах экспертиз, протоколах допросов и т. п., которые и формируют *Дело* как «совокупность документов». Цель фильма в данном случае – показать (опять же сложно, двойственно: на контрасте с сухостью документа) тяжелый труд, героизм, смекалку работников милиции, их самоотверженность и профессионализм.

Ничего этого не было бы во вторичном осмыслении событий *Дела*, если бы не было в самом документе.

Именно возможность вторичной концептуализации *Дела* подтверждает его жанровую природу. Об этом пишет, например, Г. Г. Слышкин, который называет этот процесс рефлексии над феноменом языка, речи и коммуникации *метаконцептуализацией*, а его продукт *ме-*

таконцептом: «Метаконцептуализации могут подвергаться как конкретные продукты речевой деятельности (прецедентные тексты), так и более абстрактные лингвистические категории, например *речевые жанры* (выделено нами. – О. А.) [12: 38].

Г. Г. Слышкин также отмечает разные приемы и разные проявления метаконцептуализации. К ним относится, например, художественная стилизация жанра и рефлексия над словом – его номинацией. На моделировании *Дела* как юридического документа отчасти построено, например, сюжет сатирического романа И. Ильфа, Е. Петрова «Золотой теленок», процитированного в этом разделе статьи, художественная актуализация номинации жанра подробно проанализирована нами в работе [1], языковая игра с этим словом: *нет тела – нет дела* и т. п. Считаем, что эти процессы косвенно подтверждают жанровую природу документа *Дело*.

На жанровый формат *Дела* указывает и возможность проекции на его структуру классической жанровой схемы «тема – композиция – стиль», и таких типичных для жанровых формаций параметров, как диалогичность, оппозиция «прошлое/будущее» (*Дело* – это всегда расследование прошлых событий с целью будущего судебного рассмотрения), наличие адресата (суд), коммуникативная цель (правовая оценка деяния, доказательство вины или невиновности), коммуникативный императив (в *Деле* это убеждение, аргументация), социальная функция, участие жанра в параметризации речи, определение жанров «как средств социального взаимодействия». Совокупность этих и многих параметров, репрезентирующих ту или иную форму как жанр, подробно рассмотрена в работе В. В. Дементьева [13: 55], и именно на нее мы опираемся в анализе жанрового статуса *Дела*.

Реконструкция этих и других признаков жанра в такой формации, как *Дело*, объясняют его роль в формировании системности делового и юридического дискурса. Но особенно нам дорога концепция о прагматическом содержании жанра, благодаря которой жанр может и должен изучаться не только «в связи с “человеком говорящим”», но и непременно в диалогическом контексте коммуникативной ситуации, а также – более широко – в контексте национально-речевой, социальной, духовной культуры» [Там же: 53]. А именно этот аспект – достаточно вольное фланирование понятия *Дела* и самого слова в коммуникативном, культурном, концептуальном пространстве, – и подвинул нас на то, чтобы более пристально взглянуть на этот феномен с точки зрения его формально-текстового и социоречевого происхождения.

Таким образом, простое осмысление жанровой природы *Дела* позволяет выявить следующие признаки жанра в этой разновидности текстовой формации.

1. *Дело* характеризуется целостностью и связностью структуры (текста или макротекста), обеспечивающихся наличием нарративного каркаса (например, *фабулой дела*), диалоговой структурированностью (отражение в материалах дела состязательности судебной тяжбы), антитетичностью (имплицированием вопроса, запроса и ответа, утверждения – опровержения), единством названия, формальной композицией (*Дело* имеет нумерацию страниц), использованием этого документа как единого текста (чтение, ознакомление, ссылки, цитирование, хранение и т. п.).

По признаку «совокупности документов» его нельзя поставить в один ряд с простыми наборами документов (например, совокупностью справок на операцию), потому что его элементы объединяет не столько служебное предназначение, сколько подчиненность общему сюжету: реконструируемым, доказываемым событиям со всеми их элементами (участниками событий, обстоятельствами, последовательностью и т. п.). В случае с *Личным делом* этим сюжетом является человек как социальная единица – личность, лицо.

2. Функционирование *Дела* отличает повторяемость его структуры в социальной сфере, его типичность для той или иной сферы дискурсивной практики. Типизация ситуации и ее описания, характерная для любого жанра, здесь определяется сферами или документальной фиксации личной, актуальной для делопроизводства информации (*Личное дело*), или фиксации и правовой интерпретации юридически значимых событий, их расследования и рассмотрения в суде (*Уголовное дело, гражданское дело*).

3. Жанр *Дела* отличается стилевым единообразием – однозначной отнесенностью к деловому стилю.

4. Признак институциональности делового и юридического дискурса проявляется не только в информативной обусловленности содержания *Дела*, но и в унификации, стандартизации его оформления, настолько строгих, что требует императивных предписаний и профессиональных навыков, как и многие другие жанры деловой сферы. Поэтому *Дело* может быть рассмотрено в аспекте и этого параметра делового и юридического дискурсов.

5. Институциональности и дискурса, и *Дела* может быть противопоставлена его потенциальная имплицитность: в *Деле* сказано всегда больше, чем содержат входящие в него документы. Они имплицитно содержат причины, следствия, обстоятельства, возможные последствия и да-

же чаяния его составителей: *пальмы, девушки, голубые экспрессы, синее море, белый паром, мало поношенный смокинг...*

Именно это виртуальное смысловое гиперпространство, имплицированное в *Деле*, и создает основу для его художественного осмысления, вторичной концептуализации, усложняющей, в конечном счете, представления о самом документе и функционирование его номинации. Регулярность этого процесса позволяют расценивать и понятие о документе, и лексему *дело* как концепты интердискурсивного характера.

Дело и личность как социокультурный код

В словоупотреблении *дела* обнаруживается тесная связь этого концепта с антропоцентрическими представлениями – о человеке и его месте в обществе. Так, одним из значений этого слова оказывается синтаксически связанное значение: 'То, что непосредственно, близко касается кого-, чего-либо, входит в чье-либо ведение, задачи, обязанности и т. п. *Считать что-либо своим делом. Лезть не в свое дело. Это мое личное дело*' [7].

Оно проявляется в сочетаниях этого слова с определением 'чье' субъектно-характеризующей семантики: *мое дело, его дело, наше дело, персональное дело, личное дело, это дело родителей – учить или не учить ребенка музыке* и т. д. – т. е. 'интерес', 'цель', 'компетенция', 'обязанности', 'полномочия' и т. п. Часть этих значений имеет непосредственное отношение к смысловому пространству делового и юридического дискурсов, к оформлению концепции личности как социально детерминированной антропоцентрической категории.

Так, к устойчивым употреблениям слова *дело* относятся такие его сочетания, как *мое (твое, ваше и т. д.) дело* – 'обязанность, интерес касается только определенного лица', *не мое (не твое и т. д.) дело* – 'не касается названного лица, не имеет к нему отношения', *мое (твое и т. д.) дело сторона, мое (твое и т. д.) дело маленькое, не моего (твоего и т. д.) ума дело*.

Особым значением социальной ценности внутреннего мира человека, высокой степени его самосознания и эгоцентризма, автономии личности в обществе обладают выражения *личное дело* и *персональное дело*:

- *Занято, дядя! Дамы приглашают кавалеров.*
- *А ты что, дама?*
- *А это мое дело, персональное* (цитата из фильма Г. Н. Данелии «Афоня»).

В основном это обусловлено концептуальным содержанием слов *личность* и *персона*,

получившим в культуре именно социоцентрическое осмысление. Тому есть множественные подтверждения в рефлексии некоторых писателей (А. С. Пушкин, Н. В. Гоголь) по поводу слов *личность*, *лицо* – ‘известный человек’, ‘социальная оценка человека’ (*перейти на личности*)⁷. Этот аспект антропоцентрических представлений имеет множество семантических ярусов, рассмотрение которых не входит в тему данной статьи.

Нас интересует то, как два семантических вектора: ‘дело’ и ‘личность’ – переплетаются в концептуализации документной сферы. И это переплетение, слияние мы имеем в феномене тех видов документов, которые относятся к советскому прошлому, к существованию человека в социуме как в коллективе: *Личное дело*, *Персональное дело* – материалы не о правонарушениях, а о поступках, осуждаемых коллективом. Это не юридические дела и не кадрово-учетная документация – это что-то среднее между деловым документированием и нормативной, близкой к правовой оценке человека. Это одна из форм взаимодействия человека и коллектива: нейтрального (*Личное дело* кандидата в члены партии) и негативного (*Личное дело*, *Персональное дело* – материалы для публичного общественного порицания). В последнем значении номинация *дело* может использоваться и без определений (*Дело Зощенко*, *Дело Ахматовой*). И в этом случае речь идет о личности и ее осуждении властью или обществом.

Событийная, процессная основа, актуальная в делах юридических, сдвигается на периферию: те или иные поступки личности только повод для *Персональных дел*, в центре осуждения сама личность, ее мировоззрение, конформизм по отношению к коллективу, образ мыслей, непохожесть, особость и т. д. Любопытно, что и в этом случае выбирается номинация *дело* и модель юридического документа, подобная разобранным нами выше⁸, со своей спецификой, но в той же *папке с ботиночными тесемками*.

Сам документ дает нам два социальных портрета человека: человек в коллективе и вне коллектива. Характерно, что автономия личности подчеркивается использованием в названии документа не только слов *личность* и *персона*, но и слова *дело*. Это два центра социальных представлений о человеке: его деяния (*дело*) и социальное содержание

(*личность*). Разные виды документов концентрируют информацию то одного, то другого полюса этого социального смысла. И, на наш взгляд, именно это противопоставление дает ключ к пониманию не только дискурсивной и жанровой природы анализируемых феноменов, но и к изучению системности самих дискурсов: делового и юридического.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Авдеевнина О. Ю. Слово-концепт дело в русском интердискурсе // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2017. Т. 17, вып. 2. С. 137–144.
2. Скрипичникова Н. С. Ключевые концепты в профессиональном дискурсе работников правоохранительных органов // Вестн. Челябин. гос. ун-та. 2011. № 33 (248). Филология. Искусствоведение. Вып. 60. С. 120–123.
3. Государственный стандарт РФ Р 51141–98 «Делопроизводство и архивное дело. Термины и определения», 1998. URL: <http://www.sekretariat.ru/glossary#2.2.2.13> (дата обращения: 10.10.2017).
4. О государственной гражданской службе Российской Федерации: федер. закон Рос. Федерации от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_48601/4b20ccb19b4339e316d0ba17d61229bf8a375ae6/ (дата обращения: 10.10.2017).
5. О муниципальной службе в Российской Федерации: федер. закон Рос. Федерации от 2 марта 2007 г. № 25-ФЗ (ред. от 26 июля 2017 г.). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_48601/4b20ccb19b4339e316d0ba17d61229bf8a375ae6/ (дата обращения: 10.10.2017).
6. О прокуратуре Российской Федерации: федер. закон Рос. Федерации от 17 января 1992 г. № 2202-1 (ред. от 29 июля 2017 г.): с изм. и доп., вступ. в силу с 10 августа 2017 г. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_48601/4b20ccb19b4339e316d0ba17d61229bf8a375ae6/ (дата обращения: 10.10.2017).
7. Словарь русского языка: в 4 т. Изд. 3-е, стереотип. / под ред. А. П. Евгеньевой. М.: Русский язык, 1985. Т. 1. 702 с. (MAC).
8. Авдеевнина О. Ю. Действительность и очевидность // Русская речь. 2009. № 5. С. 39–46.
9. Об утверждении Инструкции по судебному делопроизводству в районном суде: Приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 29 апреля 2003 г. № 36 (с изменениями и дополнениями). URL: <http://base.garant.ru/12131174/#friends#ixzz4tktb3E8L> (дата обращения: 9.09.2017).
10. Большой юридический словарь. М.: Инфра-М, 2003.
11. Баранов А. Н. Лингвистическая экспертиза текста: теоретические основания и практика. М.: Флинта, 2013. 592 с.
12. Слышкин Г. Г. Речевой жанр: перспективы концептологического анализа // Жанры речи. Саратов:

⁷В. И. Карасик пишет, например, о слове *лично* как о маркере особой институциональности делового дискурса советской поры [14] в контекстах типа: *Леонид Ильич присутствовал лично...* и т. п.

⁸Само информационное и языковое наполнение жанра здесь не очень актуально, как, впрочем, и в предыдущих случаях; можно не очень беспокоиться по поводу недоступности материалов конкретных дел для изучения: они мало что добавляют к пониманию их жанровой и дискурсивной природы. Важно само место этих явлений документной сферы и в культуре, след, который они оставили в истории культурных событий, и представления об обществе и человеке, которые «застыли», «схватились» в этих формах словесности.

ГосУНИЦ «Колледж», 2005. Вып. 4. Жанр и концепт. С. 34–49.

13. Дементьев В. В. Теория речевых жанров. М.: Знак, 2010. 600 с.

14. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.

REFERENCES

1. Avdevnina O. Yu. Word-concept deal in the Russian interdiscourse. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philology. Journalism*, 2017, vol. 17, iss. 2, pp. 137–144 (in Russian).

2. Skripichnikova N. S. Kljuchevye koncepty v professional'nom diskurse rabotnikov pravoohranitel'nyh organov [Key concepts in the professional discourse of law enforcement officers]. *Vestnik Cheljab. gos. un-ta. Filologiya. Iskusstvovedenie. Yur. 60.* [Bulletin of Chelyabinsk State Un-ta. Philology. Art History], 2011, iss. 60, no. 33 (248), pp. 120–123 (in Russian).

3. Gosudarstvennyj standart RF R 51141-98 «Delo-proizvodstvo i arhivnoe delo. Terminy i opredelenija». (State Standard of the Russian Federation P 51141-98 “Office work and archival business. Terms and definitions”), 1998. Available at: <http://www.sekretariat.ru/glossary#2.2.2.13> (Accessed 10 October 2017).

4. O gosudarstvennoj grazhdanskoj sluzhbe Rossijskoj Federacii: feder. zakon Ros. Federacii ot 27 ijulja (On the state civil service of the Russian Federation: Feder. the law of Ros. Federation of July 27), 2004 № 79-FZ. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_48601/4b20ccb19b4339e316d0ba17d61229bf8a375ae6/ (Accessed 10 October 2017).

5. O municipal'noj sluzhbe v Rossijskoj Federacii: feder. zakon Ros. Federacii ot 2 marta 2007 g. no. 25 (On the municipal service in the Russian Federation: Feder. the law of Ros. Federation of March 2, 2007 № 25) – FZ (as amended on July 26, 2017). Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_48601/4b20ccb19b4339e316d0ba17d61229bf8a375ae6/ (Accessed 10 October 2017).

6. O prokurature Rossijskoj Federacii: feder. zakon Ros. Federacii ot 17 janvarja 1992 g. no. 2202-1 (red. ot 29 ijulja

2017 g.): s izm. i dop., vstup. v silu s 10 avgusta 2017 g. (On the Prosecutor's Office of the Russian Federation: Feder. the law of Ros. Federation of January 17, 1992, no. 2202-1 (as amended on July 29, 2017): with amendment. and additional., Intro. Effective August 10, 2017). Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_48601/4b20ccb19b4339e316d0ba17d61229bf8a375ae6/ (Accessed 10 October 2017).

7. Slovar' russkogo jazyka: v 4 t. Izd. 3-e stereotip. [Dictionary of the Russian language: in 4 vols. 3rd ed., stereotyp. Vol. 1]. Moscow, Russkij jazyk Publ., 1985. 702 p. (in Russian).

8. Avdevnina O. Yu. Dejstvitel'nost' i ochevidnost' [Reality and Evidence]. *Russkaja rech'* [Russian Speech], 2009, no. 5, pp. 39–46 (in Russian).

9. Ob utverzhenii Instrukcii po sudebnomu delo-proizvodstvu v rajonnom sude Prikaz Sudebnogo departamenta pri Verhovnom Sude RF ot 29 aprelja 2003 g. no. 36 (s izmenenijami i dopolnenijami) (On approval of the Instruction on judicial record keeping in the district court: Order of the Judicial Department under the Supreme Court of the Russian Federation of April 29, 2003 no. 36 (with amendments and additions)). Available at: <http://base.garant.ru/12131174/#friends#ixzz4tktb3E8L> (Accessed 9 September 2017).

10. Bol'shoj juridicheskij slovar' [A large legal dictionary]. Moscow, Infra-M Publ., 2003 (in Russian).

11. Baranov A. N. Lingvisticheskaja jekspertiza teksta: teoreticheskie osnovanija i praktika [Linguistic examination of the text: theoretical grounds and practice]. Moscow, Flinta Publ., 2013. 592 p. (in Russian).

12. Slyshkin G. G. Rechevoj zhanr: perspektivy konceptologicheskogo analiza [Speech genre: perspectives of conceptual analysis]. *Zhanry rechi* [Speech Genres]. Saratov, ITS “Nauka” Publ., 2005, iss. 4, pp. 34–49 (in Russian).

13. Dementiev V. V. Teorija rechevyh zhanrov [Theory of speech genres]. Moscow, Znak Publ., 2010. 600 p. (in Russian).

14. Karasik V. I. Jazykovoj krug: lichnost', koncepty, diskurs [Language Circle: Personality, Concepts, Discourse]. Volgograd, Peremena Publ., 2002. 477 p. (in Russian).

Статья поступила в редакцию 28.11.2017

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Авдевина О. Ю. Дело (жанр, концепт, слово) в антропологии правовой сферы // Жанры речи. 2018. № 2 (18). С. 127–135. DOI: 10.18500/2311-0740-2018-2-18-127-135

For citation

Avdevnina O. Yu. Case (Genre, Concept, Word) in Legal Sphere's Anthropology. *Speech Genres*, 2018, no. 2 (18), pp. 127–135. DOI: 10.18500/2311-0740-2018-2-18-127-135